

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 23 апреля 1946 года, 3 ч. дня Хонтер колледж, Нью-Йорк

Председатель: АФИФИ-паша (Египет)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

39. Предварительная повестка дня (S/44)

1. Утверждение повестки дня.
2. а) Письмо представителя Союза Советских Социалистических Республик от 6 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/30)⁸⁹.
- б) Письмо представителя Ирана от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/33)⁹⁰.
- в) Письмо представителя Ирана от 15 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/37)⁹¹.
- г) Письмо Генерального Секретаря от 16 апреля 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности (S/39)⁹².
- е) Доклад председателя Комитета экспертов Совета Безопасности от 18 апреля 1946 года (S/42)⁹³.
3. а) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/32)⁹⁴.
- б) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (S/34)⁹⁵.
4. Доклад Генерального Секретаря от 22 апреля 1946 года Председателю Совета Безопасности относительно полномочий представителей в Совете Безопасности (S/43).

40. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

41. Обсуждение иранского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Я хочу напомнить членам Совета о том, что на тридцать третьем заседании было решено не приступать к голосованию по этому вопросу до получения доклада Комитета экспертов относительно меморандума, представленного Совету Генеральным Секретарем.

Этот документ роздан теперь членам Совета. В нем указывается, что Комитет не мог прийти к единогласному решению по этому вопросу. В этом документе ясно представлены точки зрения и мнения, выраженные в Комитете. Я не думаю, что этот вопрос нуждается в дальнейшем обсуждении.

Желает ли кто-нибудь из членов Совета сделать какие-либо замечания или заявления по меморандуму, представленному Генеральным Секретарем, или по докладу Комитета экспертов?

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Факт, что в Комитете экспертов не достигнуто соглашения по вопросу, поднятому в меморандуме Генерального Секретаря г-на Ли, приходится констатировать с сожалением. Члены Комитета, как видно, добросовестно выполняли инструкции своих руководителей — членов Совета Безопасности. Расхождение мнений в Комитете произошло по той же линии, что и в Совете Безопасности. Повторяю, факт отсутствия единого мнения по вопросу, поднятому в меморандуме, достоин сожаления.

В связи с тем, что меморандум г-на Ли, как таковой, по существу еще не обсуждался в Совете Безопасности, и в связи с тем, что в нем затронут вопрос большой принципиальной важности, я позволю себе сделать несколько замечаний по этому документу.

В меморандуме поставлен вопрос о том, может ли Совет лишить права того или иного члена Организации Объединенных Наций взять обратно свое заявление, с которым он обратился в Совет ранее. Применительно к данному случаю, т. е. к заявлению, направленному ранее в Совет Ираном, вопрос этот можно сформулировать так: может ли Совет Безопасности лишить Иран права взять обратно свое заявление в связи с полным урегулированием всех спорных вопросов между Ираном и Советским Союзом?

В меморандуме дается объективный и обстоятельный анализ юридического аспекта этого вопроса. В результате анализа соответствующих статей Устава Объединенных Наций, г-н Ли, основываясь на Уставе, пришел к заключению, что Совет Безопасности не может и не имеет права лишить Иран, как всякое суверенное государство, права взять обратно свое заявление и, таким образом, снять поднятый им ранее вопрос с повестки дня Совета.

В меморандуме, в результате тщательного анализа этой проблемы, указывается на то, что после того, как Иран взял обратно свое заявление, так называемый «иранский вопрос» снимается с повестки дня Совета Безопасности. В меморандуме указывается, что этот вопрос мог бы продолжаться фигурировать в повестке дня только в том случае, если бы Совет Безопасности вынес

⁸⁹ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2е.

⁹⁰ Там же, приложение 2г.

⁹¹ См. тридцать второе заседание.

⁹² См. тридцать третье заседание.

⁹³ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 2г.

⁹⁴ Там же, приложение 3а.

⁹⁵ Там же, приложение 3б.

ранее решение о производстве расследования по этому вопросу, или он мог бы появиться в повестке дня вновь, если бы кто-либо из членов Организации Объединенных Наций поднял какой-либо новый вопрос в отношении Ирана и если бы этот вопрос был включен в повестку дня. Но, как известно, оба эти условия отсутствуют. Не было и не могло быть никакого решения о каком бы то ни было расследовании в связи с поднятым Ираном вопросом. Никто также из членов Совета или других членов Организации не поднимал какого-либо нового вопроса, имеющего связь с советско-иранскими отношениями.

Таким образом, меморандум ясно указывает на то, что ввиду отсутствия вышеупомянутых условий невозможно рассматривать иранский вопрос в качестве вопроса, фигурирующего в повестке дня Совета, так как он был снят, после того как иранское правительство взяло обратно свое заявление. В самом деле, как выглядит сейчас позиция тех членов Совета Безопасности, которые все еще пытаются удержать иранский вопрос в повестке дня Совета, несмотря на то, что обе заинтересованные стороны — Иран и Советский Союз — заявляют, что все разногласия между ними урегулированы и что, следовательно, между ними нет никакого спора? Некоторые члены Совета выражают сомнение в том, соответствуют ли действительности заявления советского и иранского правительств об урегулировании имевшихся между ними разногласий. Другими словами, несмотря на то, что как советское, так и иранское правительства заявляют, что спора между ними нет, некоторые члены Совета Безопасности говорят: «Нет, вы ошибаетесь, вы спорите».

Я уже указал в своих предыдущих заявлениях в Совете Безопасности на непоследовательность линии, занятой в этом вопросе, в частности, представителями Соединенных Штатов Америки, которые до сих пор утверждали, что препятствием к включению иранского вопроса в повестку дня Совета Безопасности являлось несогласие иранского правительства с советским предложением. Другими словами, представители правительства Соединенных Штатов считали, что иранский вопрос можно не включать в повестку дня Совета Безопасности только в том случае, если не только советское правительство, но и правительство Ирана согласятся с этим. Сейчас правительство Ирана не только с этим согласно, но взяло обратно свое заявление.

Однако, прежние заявления представителя США уже забыты. Сейчас высказываются новые предлоги и новые «обоснования» для того, чтобы оправдать незаконные и необоснованные попытки удержать иранский вопрос в повестке дня Совета. Конечно, непоследовательность может являться последовательной линией поведения. Можно быть последовательным в своей непоследовательности. Однако если все мы будем провозгласить подобную линию при рассмотрении в Совете Безопасности находящихся в его повестке вопросов, то это лишь затруднит работу Совета, будет уменьшать вес принимаемых им решений, наносить ущерб авторитету этого важнейшего органа Объединенных Наций.

Несмотря на то что из Устава ясно вытекает, что для удержания иранского вопроса в повестке дня Совета невозможно найти никаких законных оснований, некоторые члены Совета Безопасности упражняются в попытках найти такие основания, хотя эти попытки, несомненно, в конечном счете приведут лишь к конфузу для сторонников подобной позиции.

Создавшееся положение ясно показывает, что кое-кто готов принести в жертву Устав для того, чтобы еще раз иметь возможность поговорить по так называемому «иранскому вопросу». Попытки играть Ираном как разменной монетой ни к чему хорошему привести не могут и представляют собой печальное явление. Эти попытки в конечном счете обречены на неуспех, на провал.

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Я буду краток, так как не желаю затягивать обсуждения.

Как хорошо известно Совету, правительство Соединенных Штатов неизменно считало, что нет основания снова поднимать этот вопрос в Совете в настоящее время. 4 апреля на своем тридцатом заседании Совет решил отложить рассмотрение этого вопроса до 6 мая. Для меня остается непонятным, почему с этим вопросом не было поступлено так, как было постановлено принятой тогда резолюцией.

Соединенные Штаты Америки не могут согласиться с заключениями, к которым пришел Генеральный Секретарь в своем меморандуме от 16 апреля на имя Председателя. И хотя у меня нет желания повторять доводы, приведенные большинством членов Комитета экспертов по этому поводу, я все же хочу подчеркнуть, что Соединенные Штаты полностью разделяют мнения, высказанные большинством Комитета экспертов относительно функций Совета Безопасности. Мы считаем, что довод, приведенный в меморандуме Генерального Секретаря, содержит понятие о функциях Совета Безопасности слишком ограниченного характера, которое, если оно будет принято, может привести к серьезным последствиям для будущего этого органа. Ратифицировав Устав, Объединенные Нации возложили именно на Совет Безопасности огромную ответственность за поддержание мира и безопасности. Устав также предоставляет Совету полномочия, соответствующие этой ответственности.

Я повторяю, что не могу согласиться с предложением о том, чтобы иранский вопрос был исключен в настоящее время из перечня вопросов, подлежащих рассмотрению Советом.

В связи с этим я хочу сделать краткое замечание относительно проекта резолюции, который был предложен представителем Франции на тридцать третьем заседании Совета неделю тому назад и который представитель Франции, как я понимаю, желает поставить на голосование. Этот проект резолюции, как и резолюция от 4 апреля, касается процедурных аспектов данного вопроса и, если он будет принят, это будет означать, по моему суждению, отмену резолюции от 4 апреля и снятие иранского вопроса с перечня вопросов, которые находятся на рассмотрении Совета и с которыми Совет еще не покончил. Мы полагаем, что процедура, на которой Совет

уже остановился, лучше процедуры, предлагаемой г-ном Бонне, и мы не видим нужды или веских оснований для изменения нашего решения, принятого 4 апреля.

Во всяком случае, я надеюсь, что мы сможем сегодня закончить с вопросом, поднятым в письме г-на Громыко от 6 апреля.

Полковник ХОДЖСОН (Австралия) (*говорит по-английски*): В настоящий момент перед Советом имеются два вопроса: во-первых, требование правительства СССР о снятии иранского вопроса с повестки дня и, во-вторых, вопрос о проекте резолюции Франции. Я намереваюсь говорить по обоим этим вопросам, чтобы несколько развить сказанное мною при нашем последнем обсуждении этого дела. Я считаю, что письмо Генерального Секретаря имеет отношение к этим вопросам.

Делегация Австралии разделяет точку зрения большинства, которая выражена в докладе Комитета экспертов и вкратце сводится к следующему: дело самого Совета, независимо от желания одной или обеих сторон, снять этот вопрос с рассмотрения, решить вопрос о том, может ли спор создать угрозу международному миру и безопасности.

В дополнение к доводам, приведенным в поддержку мнения большинства, я хочу указать еще на одно обстоятельство. Основой этого вопроса, основой и совершенно ясным указанием письма Генерального Секретаря является то, что Совет не может предпринять рассмотрения какого-либо спора, если одна из сторон не обратит на него внимания Совета. Но я хочу напомнить Совету о статье 34. Совет может расследовать любой спор, который угрожает международному миру и безопасности. Совет является стражем для всей Организации Объединенных Наций. Его долг и обязанность — рассмотреть каждый спор или каждую ситуацию, которые возникают на международном горизонте и могут угрожать международному миру и безопасности.

Из этого следует, что Совет не должен ждать, пока одна из сторон не внесет официальной жалобы. Он может предпринимать обследование и те или другие действия без чьей-либо жалобы, из чего логически вытекает, что и снятие вопроса с рассмотрения не зависит от желания той или другой из заинтересованных сторон. Только Совет может решить этот вопрос и может сделать это лишь после того, как будут рассмотрены факты и Совет придет к убеждению, что нет более угрозы международному миру и безопасности. У нас не имеется фактов, на основе которых можно было бы прийти к такому решению, и, как вы знаете, делегация Австралии оставила за собой право потребовать в любое время производства расследования именно для того, чтобы получить эти факты.

Я считаю, что ни у кого из нас нет фактов относительно этого определенного вопроса. Разрешите вам напомнить, что я указал на одно обстоятельство, относящееся к иранскому вопросу, а именно на то, что иранский премьер-министр не мог вести переговоры по вопросу о нефтяном соглашении, пока иностранные войска находились на территории Ирана. Мы также слышали

весьма категорическое заявление, сделанное дважды, о том, что иранский премьер-министр не мог и не желал вести переговоров о соглашении по вопросу вывода войск. Этот вопрос не мог служить предметом переговоров.

Я обращаю ваше внимание на последнее письмо представителя Ирана от 15 апреля⁹⁶, в котором он заявляет:

«Вчера, 14 апреля, мое правительство поручило мне сделать Совету Безопасности следующее заявление:

«В результате подписанного между правительством Ирана и правительством Союза Советских Социалистических Республик соглашения, было решено, чтобы Красная Армия очистила всю иранскую территорию к 6 мая 1946 года. Иранское правительство не сомневается в том, что условия этого соглашения будут выполнены, но в то же время не считает себя вправе определять линию поведения Совета Безопасности».

Я перехожу теперь к проекту резолюции Франции, в котором говорится: «отмечает, что достигнуто соглашение...», и спрашиваю себя: что это за соглашение? Новое военное соглашение?

Я замечаю, что в своем письме, рассматриваемом теперь Советом, в своих предыдущих заявлениях и в своем заявлении, сделанном сегодня, представитель СССР совершенно не касается того действительного вопроса, которым интересуется Совет. Создает ли наличие советских войск, которое трактуется как нарушение договора, т. е. договора 1942 года⁹⁷, а не этого нового договора, угрозу международному миру и безопасности? Вот в чем заключается действительный вопрос.

Итак, когда я смотрю на текст, предложенный представителем Франции, и вижу слово «соглашение», то означает ли это новое военное соглашение, т. е. соглашение от 3 апреля, относительно которого было выпущено совместное советско-иранское communiqué? Означает ли это соглашение относительно Азербайджана? Означает ли это нефтяное соглашение? В таком случае, первым вопросом, стоящим перед Советом, является тот, который я поднял на тридцать втором заседании и который до сих пор еще остается неразрешенным. Было ли достигнуто соглашение по вопросу о продолжающемся вмешательстве во внутренние дела Ирана советских должностных лиц, агентов и военных чинов? Каковы факты относительно этого? Я считаю, что мы их еще не имеем.

Я полагаю, что Совет попрежнему компетентен произвести расследование, о котором я просил в первую очередь. Совет сохраняет свое право произвести расследование 6 мая или до этого срока. В силу всех этих причин я буду голосовать против снятия этого вопроса с повестки дня.

Г-н БОННЕ (Франция) (*говорит по-французски*): Если никто больше не желает выступить, то я скажу несколько слов в поддержку проекта резолюции, который я представил в Совет на

⁹⁶ См. тридцать второе заседание.

⁹⁷ См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 2b, стр. 22.

прошлой неделе. Я уже высказал свое мнение по существу этого проекта и не буду возвращаться к обсуждению меморандума Генерального Секретаря или доклада Комитета экспертов. Я ограничусь лишь следующими замечаниями.

Когда, после нашего обсуждения 15 и 16 апреля на тридцать втором и тридцать третьем заседаниях, я внес предложение, ныне вами рассматриваемое, я был убежден прежде всего в том, что Совет правильно и надлежащим образом подошел к вопросу, предложенному на его рассмотрение, в соответствии с той формой, в которой он был представлен, а также в свете обстоятельств, существовавших между временем внесения этого вопроса на повестку дня и 16 апреля.

Я считал, что Совет мог быть удовлетворен выполненной им работой и мог отметить этот факт единогласно. Таким образом, цель моя тогда была весьма проста, и сейчас я держусь той же точки зрения.

Г-н Стеттиниус заметил, что моя резолюция — процедурная. Если уж говорить об этом, то мы, за этим столом, посвятили значительную часть нашего времени именно процедуре. Злобные критики могут даже сомневаться в том, что мы занимались чем-либо иным, кроме процедуры. Однако моя резолюция не является процедурной: она указывает на факты, к тому же на факты, которые произошли после 4 апреля. Она не меняет нашей резолюции от 4 апреля. Именно после этой резолюции мы узнали, что достигнуто соглашение между заинтересованными сторонами, то именно соглашение, относительно которого представитель Австралии несколько минут тому назад требовал объяснений и о котором мы были поставлены в известность совместным communiqué из Тегерана и Москвы на следующий же день после того, как наша резолюция была принята. Именно на это соглашение я и ссылаюсь в своей резолюции. Что касается того утверждения, что предлагаемый мною текст может в какой-то мере умалить полномочия Совета, то вряд ли мне нужно говорить о том, что я держусь иного мнения: текст этот никоим образом не ограничивает полномочий Совета; это совершенно ясно. Для того чтобы ограничить или расширить права Совета — я надеюсь, что они будут расширены в будущем — потребуются значительно больше усилий и много успехов, которые, я верю, будут достигнуты Советом.

Ввиду этого я продолжаю считать, что Совет может принять мой проект резолюции. Сделав это, он выполнит букву Устава; он поступит в соответствии с различными статьями этого документа и в соответствии с полномочиями, которые ему предоставлены. Более того, — и я придаю огромное значение этому положению, — Совет поступит в духе Устава, который призывает всех нас, сидящих за этим столом, достигать соглашения путем примирения.

Наконец, я глубоко уверен в том, что этот шаг Совета явится хорошим предзнаменованием для многих переговоров, которые мы будем иметь в Совете в течение многих месяцев и лет, а также для всех переговоров между членами Организации Объединенных Наций, переговоров, от которых, как мы все хорошо знаем, зависит полное восстановление нормальных отношений между на-

родами, а следовательно и развитие международного согласия в духе мирного сотрудничества.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не обладаю ни технической, ни юридической компетентностью, которая дала бы мне право подробно разобрать документ, представленный Генеральным Секретарем, но я должен сказать, что я не могу найти нигде в Уставе каких-либо указаний на то, что Совет должен, если две стороны в споре этого потребуют, снять вопрос с повестки дня; не нашел я равным образом ничего в Уставе, что бы указывало на право Совета, если он пожелает, оставить таковой вопрос на своей повестке дня. Ни то, ни другое фактически в Уставе определенно не предусмотрено.

Я считаю, что мы должны быть признательны членам Комитета экспертов за выполненную ими работу по рассмотрению документа, представленного Генеральным Секретарем. Они выработали доклад, который проливает свет на некоторые стороны вопроса, и если это не помогло нам достичь единогласного решения, то, мне кажется, это произошло лишь от того, что они сами себя ограничили. Комитет решил, «что, ввиду технического характера его заданий, он будет рассматривать с отвлеченной точки зрения, безотносительно к тому конкретному вопросу, который передан в Совет Безопасности, вопрос о том, может ли какое-либо дело оставаться на рассмотрении Совета Безопасности, после того как заинтересованные стороны возбудили ходатайство о прекращении такового рассмотрения...».

Я, пожалуй, рад, что они не достигли соглашения по этому отвлеченному вопросу, так как я не уверен в желательности установления общего правила для руководства Советом во всех случаях. У нас имеется Совет, к которому мы должны питать доверие, Совет, который должен руководствоваться в известной степени здравым смыслом, и, по моему мнению, каждый отдельный случай должен фактически трактоваться по своему существу. В чем же заключается данный случай?

Правительством Ирана был внесен в Совет Безопасности известный вопрос. Совет приступил к тщательному рассмотрению этого вопроса. В ходе своего обсуждения Совет достиг той стадии, когда он направил через представителя СССР запрос правительству СССР относительно вывода его войск с иранской территории. Правительство СССР любезно ответило, и в этом ответе оно заверило Совет в том, что эти войска будут выведены к определенному сроку, еще не наступившему, к сроку будущему, а именно к 6 мая. Мне кажется, что Совет имеет полное право удерживать этот вопрос на повестке дня до наступления данного срока. Когда наступит этот срок, то я надеюсь, что мы сможем отметить факт благополучного завершения дела. Но в настоящее время, по моему мнению, мы не можем еще этого сделать.

Теперь, что касается французского проекта резолюции, я нахожу, что редакция этой резолюции является, так сказать, несколько осторожной. У меня не создалось впечатления, что эта редакция имеет своим предметом рассматриваемый нами вопрос. Что произошло? Совет принял резолюцию 4 апреля. Я полностью согласен с

этой резолюцией. Она была принята после зрелого рассмотрения. Она не была принята успешно и представляет собой точку зрения, которой придерживалось в тот момент подавляющее большинство членов Совета Безопасности.

Что же случилось затем? А случилось следующее. Вопрос этот мог бы спокойно остаться без рассмотрения, если бы представитель СССР не стал настаивать, согласно инструкциям своего правительства, на том, чтобы Совет пересмотрел эту резолюцию и в частности, чтобы Совет снял иранский вопрос со своей повестки дня, прекратил его рассмотрение, ликвидировал этот вопрос и сбыл его вовсе с рук. Это как раз то, против чего я возражаю, и я буду голосовать против всякого предложения в этом смысле.

Кроме того, я не вполне уверен в том, что именно означает французский проект резолюции. Он совершенно не упоминает о повестке дня, хотя из замечания, которое, как я помню, было сделано французским представителем на одном из наших предшествующих заседаний, явствует, что этот проект в действительности означает, что данный вопрос должен быть снят с повестки дня. Если это имелось в виду, то я вынужден голосовать против проекта резолюции, предложенного представителем Франции.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Я хочу сказать несколько слов в поддержку проекта резолюции, предложенного представителем Франции. Прежде всего я хочу повторить то, на что я уже указывал в начале обсуждения этого вопроса. Здесь нет речи о пересмотре резолюции, которая была принята 4 апреля. Эту резолюцию мы рассматриваем как вполне законную юридически и полезную политически. Я хочу напомнить Совету еще раз, что мы голосовали за эту резолюцию. По вопросу о ее законности мы не разделяем мнения нашего коллеги, представителя СССР.

Но с тех пор кое-что произошло, и мы должны в той или иной форме учесть это обстоятельство, которое заключается в том, что, согласно заявлениям обеих сторон, достигнуто соглашение. Здесь обсуждался вопрос о том, имеет ли право Совет произвести расследование спора по собственной инициативе. Конечно, он это право имеет, и это вполне ясно предусматривается статьей 34. Но, по-моему, этот вопрос к нам совершенно не относится. Рассматриваемый нами вопрос гораздо проще; он сводится лишь к тому, что спора более не существует, так как, когда две стороны достигли соглашения и поставили нас об этом в известность, а сторона, подавшая нам жалобу, взяла ее обратно вследствие достигнутого соглашения, то, по моему мнению, единственный вывод, к которому мы можем прийти, основываясь на логике и здравом смысле, — это тот, что спора больше не существует и вопрос, поэтому, исчерпан.

Могут существовать причины для недовольства членов Совета Безопасности содержанием этого соглашения. Но это не относится к вопросам, которыми должен заниматься Совет Безопасности. Можно также держаться той точки зрения, что, хотя спора больше нет, создано в результате этого соглашения положение, которое является неудовлетворительным и может привести

к международным трениям или к возникновению нового спора. Совет, конечно, всегда вправе снова рассмотреть подобный случай. Но наша делегация считает, что в таком случае кто-нибудь из членов Совета Безопасности должен взять на себя инициативу и представить этот вопрос в его новой форме, как ситуацию, которая может привести к международным трениям.

Лично я не думаю, чтобы подобная ситуация имела место в данном случае, ибо раз правительство СССР согласилось и обязалось вывести свои войска из Ирана, я не усматриваю обстановки, способной создать международную опасность. Конечно, любой член Совета Безопасности волен стать на иную точку зрения и сослаться на статью 34. В таком случае как буква, так и дух нашего Устава определенно требуют, чтобы данный член Совета сделал это в виде отдельного акта.

Обсуждаемый нами в настоящее время вопрос является на самом деле не просто иранским вопросом, каковой, по моему мнению, имеет второстепенное значение. Нашим голосованием мы решим гораздо более важный вопрос о том, имеет ли право Совет настаивать на том, что спор продолжается, и сохранять его в списке рассматриваемых им вопросов, когда две стороны приходят к соглашению и одна из них снимает свою жалобу. Иными словами, мы должны решить, имеет ли государство право взять обратно свою жалобу из Совета Безопасности.

Я полностью поддерживаю те доводы юридического характера, которые приведены представителем Франции. Я хочу добавить и политический довод, на который имел уже ранее случай указать, довод, основанный на том, что об этом говорит Устав. Я считаю весьма неблагоприятной и даже опасной доктриной настаивать на том, что государство не имеет права взять обратно свою жалобу из Совета Безопасности, ибо это не усилит, а ослабит доверие к Совету. Это будет самым определенным образом удерживать государства от обращения к Совету Безопасности, так как, если мы примем подобную доктрину, эти государства, в особенности малые государства, будут опасаться того, что если они обратятся в Совет Безопасности, то утратят возможность распорядиться своим собственным делом, которое может превратиться в политический футбол и будет вестись другими странами способом, совершенно чуждым первоначальной цели жалобщика.

По этим причинам я настаиваю на принятии проекта резолюции, предложенного представителем Франции.

Г-н де-ла-КОЛИНА (Мексика) (*говорит по-английски*): Я желаю сделать заявление относительно позиции моего правительства.

По нашему мнению Совет Безопасности может продолжать иметь на своем рассмотрении спор даже после того, как стороны возьмут обратно свои жалобы. Мы основываем наше мнение на духе и букве первой фразы пункта 2 статьи 24 Устава, которая наделяет Совет значительно более широкими презумптивными полномочиями, чем конкретные полномочия, указанные в главах VI, VII, VIII и XII, на которые ссылается вторая фраза того же пункта той же статьи.

Мы присоединяемся к той точке зрения, что решение, в силу которого Совет Безопасности будет заниматься каким-либо вопросом, может не зависеть от тех или иных мер, принятых согласно статье 34.

Мы считаем, что принятие подобного толкования желательны для осуществления полномочий, входящих в круг ведения Совета Безопасности и предоставленных ему, чтобы он мог выполнять соответствующим образом свою основную задачу по поддержанию международного мира и безопасности.

Это толкование ни в какой мере не умаляет права одной или обеих сторон в споре взять обратно поданную жалобу или апелляцию. Совет Безопасности обладает дополнительной ответственностью, которая, с точки зрения малых стран, имеет огромное значение: он обязан при выполнении своих обязанностей поступать в соответствии с принципами правосудия и международного права.

Развитие в Совете Безопасности чувства групповой солидарности и коллективной ответственности послужит укреплению авторитета и престижа Совета, если будет основано на серьезном отношении к делу и на справедливости.

Мексика стоит за право малых государств быть заслушанными Советом Безопасности. Мексика стоит также за правильную интерпретацию полномочий Совета при решении всех вопросов, связанных с изъявлением воли одного из малых государств. При таком их понимании полномочия, предоставленные Совету Безопасности, будут соответствовать правовой ответственности последнего в отношении всех членов Организации Объединенных Наций и его еще большей моральной ответственности перед международным сообщением и народами всего мира.

Исходя из вышеприведенных соображений, я буду голосовать за оставление иранского вопроса в списке вопросов, которыми Совет Безопасности продолжает заниматься.

Г-н ГО Тай-чи (Китай) (*говорит по-английски*): Я не имел намерения принять участие в обсуждении, но теперь, когда каждый из членов Совета высказался, я чувствую себя вынужденным сказать несколько слов по рассматриваемому Советом вопросу. Я вспоминаю теперь, что представитель Нидерландов еще не выступал, но мне казалось, что говорили уже все.

Когда представитель СССР направил мне, как председателю Совета, свое письмо от 6 апреля, я, помнится, ему сказал: «Зачем возвращаться к этому неприятному вопросу, который в настоящее время более или менее разрешен. Когда 6 мая вы заверите Совет в том, что вывод войск СССР из Ирана полностью закончен, вопрос этот будет автоматически исключен из повестки дня, без дальнейших дискуссий, и дело будет разрешено к удовлетворению всех в нем заинтересованных».

Г-н Громыко ответил русской поговоркой, что «Совет стрелял по воробьям». Я просил его объяснить мне это и он сказал: «Другими словами, Совет занялся вопросом, который не заслуживает его внимания; это незначительный вопрос».

В этом я позволяю себе с ним не согласиться, так как мы считаем, что раз внимание Совета обращено на какой-либо вопрос, то дело Совета решить, как долго этот вопрос будет оставаться на его повестке дня. Хотя обе стороны в иранском споре просили о снятии вопроса с повестки дня, все же продолжает существовать известное положение вещей, в котором Совет по-прежнему заинтересован и за которое он ответствен. Совет сам решает, что должно и что не должно оставаться на его повестке дня. Я уже представил позицию моего правительства в этом вопросе и не намерен все это повторять опять.

Мне кажется, что доклад, представленный Совету Комитетом экспертов, вполне ясно указывает, поступит ли Совет правильно, голосуя за оставление этого вопроса на повестке дня. Как я заявлял об этом раньше, я поддерживаю резолюцию от 4 апреля.

Что касается проекта резолюции, предложенного представителем Франции, я считаю, что он является отменой резолюции от 4 апреля, так как рассматривает иранский вопрос, как уже снятый с повестки дня. Боюсь поэтому, что я не могу согласиться с этой точкой зрения. Если мы должны будем подвергнуть голосованию проект резолюции представителя Франции, я буду вынужден голосовать против.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Я хочу сказать несколько слов, но не столько из-за того, что все или почти все члены Совета уже выступали, а потому что моим соседом, представителем Польши, был выдвинут весьма интересный вопрос.

Я очень тщательно изучил меморандум Генерального Секретаря, а также доклад Комитета экспертов. Я должен заявить, что нашел оба эти документа полезными для лучшего освещения положения, но не могу к сожалению признать, чтобы Генеральный Секретарь или меньшинство в Комитете экспертов были правы.

Именно в связи с этим я хочу остановиться на интересном вопросе, который был только что поднят представителем Польши относительно того, что если стороны в споре заявили о желании снять вопрос с повестки, то вопрос этот может быть оставлен на повестке дня только тогда, если он будет поднят одним из членов Совета Безопасности как новый вопрос, т. е. как ситуация, которая требует внимания со стороны Совета. Я не думаю, чтобы такая процедурная уловка, как бы легко применима она ни была, была необходима. Совет обязан следить за добрыми международными отношениями между государствами и способствовать их установлению совершенно независимо от желания этих государств.

Таков несомненно смысл Устава. Совет, иными словами, не пассивный орган. Он своего рода трибунал, но не пассивный трибунал в том смысле, что когда стороны заявят о своем желании прекратить дело, то Совет этим удовлетворяется и молча согласится. Действуя, как он несомненно это и делает, в общих интересах в качестве доверенного лица всей Организации Объединенных Наций — я не могу рассматривать его в ином свете, — Совет не только вправе, но и обязан следить за делом, которое было пору-

чено его рассмотрению, до тех пор, пока не будет достигнуто полное урегулирование вопроса. Тогда — и только тогда — может он доложить Генеральной Ассамблее с чистой совестью, что он выполнил свой долг до конца.

Что касается проекта резолюции представителя Франции, то к сожалению, я вынужден голосовать против него. По моему мнению проект этот означает конец нашего рассмотрения данного вопроса, а по причине, на которую я только что указал, даже если бы и не было других причин, — а таковые у меня имеются, и я их полностью представил на прошлой неделе, — я считаю, что иранский вопрос должен оставаться на повестке дня до 6 мая.

Г-н ВЕДЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Я не считал необходимым говорить сегодня, но раз все мои коллеги высказались по данному вопросу, я не могу не сказать нескольких слов.

Я уже высказал мое мнение. И я продолжаю держаться той точки зрения, на которую указал: Совет не должен отступать от своего решения, принятого 4 апреля.

Сегодня мы выслушали несколько весьма трогательных аргументов в защиту иранского суверенитета. Быть может я ошибаюсь, но мне кажется, что резолюция, предлагающая оставить настоящий вопрос на повестке дня, представляет определенную гарантию для суверенитета малых стран.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я полагаю, что прения теперь закончены и мы можем приступить к голосованию. Хочу напомнить членам Совета, что перед нами предложение, сделанное представителем СССР в его письме от 6 апреля. Оно гласит:

«На основании всего вышеизложенного советское правительство настаивает на том, чтобы иранский вопрос был снят с повестки дня Совета Безопасности».

Представитель Франции также представил проект резолюции следующего содержания:

«Совет Безопасности, вновь рассмотрев на своих заседаниях 15 и 16 апреля вопрос, поставленный им 26 марта 1946 года по требованию иранского правительства на повестку дня и бывший предметом его резолюции от 4 апреля,

принимает к сведению письмо от 15 апреля, адресованное ему представителем иранского правительства, в котором последнее уведомляет Совет Безопасности о том, что оно берет обратно свою жалобу;

отмечает, что между обоими заинтересованными правительствами достигнуто соглашение;

предлагает Генеральному Секретарю собрать необходимую информацию для внесения в доклад Совета Безопасности, подлежащий представлению, согласно статье 24 Устава, Генеральной Ассамблее, дополнительных сведений относительно мер, принятых Советом в связи с вопросом, поставленным на его повестку дня 26 марта сего года по требованию иранского правительства и взятым теперь обратно».

Этот проект резолюции может рассматриваться как поправка к предложению СССР. Если Совет согласен с этим, мы можем голосовать сперва французский проект резолюции. Согласны ли с этим г.г. члены Совета?

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я присоединяюсь к резолюции, представленной г-ном Бонне.

Производится голосование поднятием рук. Французский проект резолюции отклоняется 8 голосами против 3.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Можно ли считать, что голосование закончено?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Да, у нас 3 голоса за и 8 против.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу в связи с результатами голосования сделать следующее заявление. Ввиду наличия соглашения между советским и иранским правительствами по всем спорным вопросам, а также ввиду взятия обратно иранским правительством своего обращения в Совет Безопасности, делегация советского правительства считает решение Совета Безопасности сохранить на повестке дня иранский вопрос противоречащим Уставу Организации Объединенных Наций.

В силу сказанного, делегация советского правительства не считает возможным впредь принимать участие в обсуждении иранского вопроса в Совете Безопасности.

42. Обсуждение испанского вопроса (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Теперь мы приступаем к рассмотрению испанского вопроса. Желает ли кто-либо из представителей взять слово?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) (*говорит по-английски*): Мне бы хотелось знать, не согласятся ли Председатель и члены Совета, ввиду позднего времени, отложить дальнейшее рассмотрение этого вопроса до следующего заседания?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласны ли члены Совета на закрытие заседания?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Относилось ли сказанное представителем Польши к испанскому вопросу?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Да, относилось. Согласны ли члены Совета на то, чтобы закрыть заседание? Могу я предложить, чтобы следующее заседание было назначено на послезавтра в 3 часа дня?

Г-н СТЕТТИНИУС (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): В среду?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Нет, в четверг, в 3 часа дня. Предпочитает ли представитель Соединенных Штатов заседать в среду?

Полковник ХОДЖСОН (Австралия): *(говорит по-английски)*: Я не понимаю, почему мы не можем собраться завтра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Некоторые члены Совета изъявили желание иметь

заседание послезавтра. Если г.г. члены Совета не возражают, то мы можем собраться послезавтра. Ввиду отсутствия возражений следующее заседание состоится в четверг в 3 часа дня.

Заседание закрывается в 5 ч. 05 м. дня.